

дешь отменные речи. Но, как ты думаешь, не сделать ли нам с тобой для начала славного ребеночка?..

В первый момент Жанна не понимает. Она молча смотрит на Бодрикура. Потом ее брови взлетают кверху, а рука застывает в протестующем жесте.

Такое капитану не раз приходилось видеть.

Но вот что странно и необычно: девушка совсем не проявляет боязни. Ей не страшно, что этот громадный человек может сейчас подняться и сломать ее. Она абсолютно спокойна, как будто наверняка знает, что этого не произойдет.

— Нет, дорогой сир Робер, — говорит она решительно, — об этом и не помышляйте. Господь не допустит ничего подобного. Чтобы иметь силу, я должна остаться чистой и незапятнанной перед богом и людьми.

И сир Робер сразу скисает.

Черт возьми, а ведь девка права! Брюхатой она и гроша стоить не будет...

Сир Робер не отличался чрезмерным благочестием. Он не страшился господнего гнева. Но он всегда умел хорошо соблюдать свои материальные интересы.

— Когда же ты хотела бы отправляться? — спрашивает капитан после долгой паузы, не зная, как окончить затянувшийся прием.

— Ехать сейчас, — отвечает Жанна, — было бы лучше, нежели завтра. Но выехать завтра будет лучше, чем откладывать отъезд на более позднее время.

ГЛАВА 2

Великая жалость

В основе всего была жалость.

Жалость породило горе.

Горе принесла война.

Войну Жанна знала с тех пор, как помнила себя. Война была повсеместной, постоянной, неотвратимой как рок. Подобно чуме или моровой язве опустошала она города и села, распахивала поля под кладбища, сеяла ужас и смерть.